

1

— Но я же не журналист, да и не особо разбираюсь в живописи...

— Я понимаю вашу растерянность, — успокоил Лизу голос из трубки. — Именно поэтому мы обратились к вам. Ни одного журналиста туда не пустят. Все, что вам нужно будет сделать, — съездить на мероприятие, посмотреть, а если представится возможность, то задать вопросы, которые мы для вас подготовим, а потом просто рассказать нам о том, что вы видели. Мы сами напишем статью.

— Я не знаю... — Лиза нахмурилась и помассировала двумя пальцами переносицу. Убрала трубку от уха, посмотрела на экран.

Звонок по другой линии. Неизвестный номер. Лиза сбросила его.

— К тому же мы хорошо заплатим, — продолжал чарующий голос. — Согласитесь, это буквально двойной бонус! Увидеть самую загадочную работу Сархана, да еще и получить за это денег.

— Но почему я?

— Я не знаю, — честно признался собеседник. — Почему-то именно вы получили приглашение.

— Только я? — удивилась Лиза.

— Нет, есть еще шесть человек.

— Так, может, вы договоритесь с кем-нибудь из них?

— Увы, — разочарованно протянул голос, — они уже подписали договоры с другими изданиями. Вы наш последний шанс. Думаю, прямо сейчас до вас пытаются позвонить многие. Но мы заплатим больше!

— Да что вообще такого особенного в этой картине? — спросила Лиза и удивилась собственному любопытству.

— Она была куплена за баснословные деньги еще до того, как Сархан закончил работу над ней. И новый владелец заявил, что никогда не покажет ее миру.

— Почему же он передумал?

— Не знаю, — в очередной раз признал собственную беспомощность собеседник. — Сегодня всем по-настоящему значимым изданиям пришло письмо, в котором пресс-секретарь мистера Хёста упоминает семь человек, приглашенных на показ картины. Вы среди них.

— Да, — вздохнула Лиза, — мне пришло приглашение. Но зачем делать из этого шоу? Зачем тиражировать это в СМИ?

— Мы можем только предполагать. Наверное, мне стоит пояснить — мистер Хёст достаточно эксцентричен. Никогда не угадаешь, что взбрело ему в голову. В любом случае это не удивительнее, чем купить картину и никому ее не показывать.

— Возможно. — Лиза помолчала. — Допустим, я согласна. Что мне нужно делать?

— Вам нужно просто посетить мероприятие, посмотреть на картину, по возможности задать вопросы, которые мы подготовим.

— Звучит не слишком сложно. И о какой сумме идет речь?

— Допустим, десять тысяч долларов. И еще по пять тысяч за каждый вопрос, на который вы сумеете получить ответ. Такой вот KPI, — усмехнулся голос. — Чем больше ответов, тем больше денег. Если честно, то я впервые вижу, чтобы наша редакция была готова тратить такие суммы даже не на материал, а просто на информацию.

— Считайте, что вы пробудили во мне любовь к искусству. Какие именно вопросы нужно задать мистеру Хёсту?

Лиза взялась за руку лакея, протянутую услужливо, но высокомерно, и вышла из машины. То же самое сделали пассажиры шести других автомобилей, присланных мистером Хёстом за гостями. Все вышли одновременно и теперь смущенно крутили головами, рассматривая особняк, слуг, друг друга. Окинуть взглядом весь комплекс гости не могли, они видели только тяжелый фронтон, опиравшийся на мощные колонны, и внушительную лестницу. Все вместе это напоминало греческий храм, и казалось, что среди колонн вот-вот появится Зевс.

— Прошу за мной. — Камердинер (назвать этого высокомерного франта слугой у Лизы не повернулся бы язык) будто бы специально выждал несколько секунд, давая гостям утолить любопытство, и пошел ко входу в особняк.

Лиза последовала за лакеем. То ли эту церемонию репетировали, то ли такие приемы проходили тут постоянно, но семь пар человек не приблизились друг к другу даже на расстояние вытянутой руки. Процессия цепью поднялась по мраморной лестнице, и оказалось, что первое впечатление обманчиво. Более эклектичного интерьера Лиза не видела никогда в жизни. То, что снаружи казалось классикой или неоклассикой, внутри обернулось футуристичным минимализмом. Сумасшедшему архитектору удалось совместить храм Артемиды с космической станцией, где не было ни одного видимого источника света, только скрытая холодная подсветка, скорее обозначающая габариты залов и коридоров, чем освещающая их. Хорошо были видны лишь статуи и картины.

Гости прошли через несколько пустых — если не считать предметов искусства — залов и коридоров (разделяли их разъезжавшиеся с тихим шелестом двери, усиливавшие сходство с космической станцией из кино) и оказались в небольшой комнате. Без окон и декора, с белыми стенами, она

напоминала операционную. Лизу удивил мягкий, ровный свет, определить источник которого ей не удалось. Складывалось впечатление, что он струится прямо из потолка.

В центре комнаты стояли в ряд шесть кресел. Ничего особенного, кроме высоких спинок, в них не было. Напротив — еще одно, в нем восседал пожилой мужчина: плечи и фигура, намекающие на спортивное прошлое, тяжелый взгляд, седина и чуть растрепанная бородка, хорошо сочетающийся с джинсами и рубашкой клетчатый твидовый пиджак, трость с посеребренным орнаментом, похожая на молнию. Лиза прикинула, сколько может стоять такая показная небрежность образа. Выходило, что очень дорого. Очевидно, мистер Хёст может и хочет себе это позволить.

Рассмотрев хозяина особняка, Лиза заметила, что почти всю стену за его спиной занимают красные плотные шторы. За ними, видимо, висела картина, из-за которой все тут и собрались. По обе стороны от штор перед закрытыми дверями стояли лакеи с каменными лицами. Поза и ливреи почему-то делали слуг похожими на военных времен Войны за независимость.

— Добрый вечер, дамы и господа, — с полуулыбкой, которая могла значить что угодно, поздоровался хозяин. — Прошу вас для начала сдать мобильные телефоны, а также часы.

В руках у лакеев тут же возникли подносы и шкатулки. Лиза положила в обитую бархатом коробочку телефон. Часы она не носила, но все равно задумалась над тем, почему их необходимо сдать. С телефоном-то понятно: возможно, мистер Хёст боится, что кто-то сделает фотографию.

— Прекрасно! — сказал хозяин особняка, когда последняя шкатулка закрылась. — Теперь занимайте ваши места. Обратите внимание, все кресла подписаны. Каждое предназначено для конкретного человека.

— Но кресел шесть, — заметил мужчина с волосами, зачесанными на лысину.

— Я знаю, — кивнул мистер Хёст. — Вы очень наблюдательны. — Прозвучало издевательски.

Гости приблизились к креслам. На каждом из них лежала бумажка с именем. Вот теперь началась толкотня. Люди заглядывали через спинки кресел, неловко обходили друг друга...

Лиза мысленно вздохнула. Ведь слуги наверняка могли рассадить всех по местам без этого идиотского броуновского движения. Сама она просто ждала, когда все рассядутся и станет понятно, какое кресло предназначено ей. Но все шесть кресел оказались заняты. Рассевшиеся по местам гости ерзали и переглядывались. Широкоплечий мужчина лет сорока обернулся, увидел стоявшую в задумчивости Лизу и поднялся, видимо намереваясь уступить место.

— Я должен вас предупредить, — остановил его порыв мистер Хёст. — Если вы уступите свое место, то будете вынуждены покинуть нас.

Мужчина скривился, но сел обратно.

— Но здесь только шесть кресел! — произнес очевидное мужчина с лысиной.

— Ваша прозорливость не перестает меня удивлять, — кивнул хозяин.

— И что же, вы позволите даме стоять?! — нудным скрипучим голосом возмутилась пожилая женщина, занимавшая второе кресло слева. — Да еще и на каблуках?

— Можете уступить ей место, — положив руки на стоявшую меж колен тросточку, ответил мистер Хёст. — Что до каблучков... Не я их на нее надел.

Повисла тишина. Лиза какое-то время подумала, потом подошла ближе, встала между третьим и четвертым креслом, оперлась одной рукой на спинку и неторопливо сняла туфли. Ей показалось или Хёст едва заметно улыбнулся?

— Давайте начнем, — кивнул хозяин особняка. — Думаю, мне представляться не нужно, ваши имена я знаю, а вам знакомиться друг с другом вовсе не обязательно.

Хёст замолк, задумался о чем-то, погладил усы. Все ждали.

— Да, о чем это я? — Он словно бы включился. — Я знаю, что все вы заключили договоры с разными изданиями и хотите задать вопросы. Маленький гешефт. Я не против. Задавайте, но есть два условия. Один вопрос на человека — это раз. Время между моим ответом и следующим вопросом не должно превышать шестидесяти секунд — это два.

Лиза хмыкнула. Вот зачем сдавать часы. Это какой-то странный перформанс. Хёст отлично знал, что каждому гостю выдадут список вопросов.

— Все понятно? Мы можем начинать? — уточнил хозяин особняка.

— Да, — ответил кто-то.

— Время пошло.

— Почему вы не хотите показывать картину людям? — первой выпалила пожилая женщина, занимавшая второе кресло слева.

Лиза мысленно поставила галочку. Такой же вопрос был в ее списке, составленном редакцией журнала.

— Потому что она ужасна, — пожал плечами мистер Хёст. — Люди не должны ее видеть.

— И вы отвалили такую сумму за ужасную картину?! — явно сгоряча, необдуманно спросил широкоплечий мужчина. Тот самый, который порывался уступить Лизе свое место.

— Да, — коротко ответил Хёст.

По залу разнесся разочарованный вздох сразу нескольких человек. Лиза посмотрела на реакцию задавшего вопрос. Мужчину она видела сзади и чуть сбоку, но рассмотреть гримасу смогла и с такого ракурса. Вообще ей показалось, что у нее есть какое-то странное преимущество. Сидевшие в креслах могут видеть только своих соседей. Она же, пусть и с неудобной точки, наблюдает за всеми. Непонятно только зачем.

Долго висела тишина. Каждый надеялся, что вопрос задаст кто-то другой. Мистер Хёст чуть подтянул рукав пиджака и кинул взгляд на часы. Лиза задумалась. А всем ли тут платят за ответы на вопросы? Складывалось ощущение, что да. А если так, то какую сумму? Те же пять тысяч? Судя по всему, каждый хотел получить ответы на те вопросы, которые есть в списке, на халяву. Не тратя на это свою единственную возможность. Никто не знал, какие вопросы в чужих списках. Какая-то сложная игра, в которой наверняка есть выигрышная стратегия, но какая? Еще и время поджимает, никто не может точно отследить минуту без часов.

Первой не выдержала блондинка:

— Почему вы купили картину еще до того, как она была закончена?

— Я купил ее, когда Сархан еще даже не начал работу над ней, — уточнил мистер Хёст. — Я по одному только описанию понял, что это шедевр. Мне не нужно было дожидаться окончания работы.

Шедевр, подумала Лиза. Но минуту назад он сказал, что она ужасна. Как это вообще соотносится? Висела тишина. Очевидно, все хотели задать тот же вопрос, что крутился в голове у Лизы, но так же очевидно, что он не был ни у кого в списке, подготовленном редакцией. Жадность боролась с любопытством. Лиза прикинула. Два вопроса из ее списка уже задали. Это десять тысяч. Плюс десять за то, что она вообще приехала. Весьма недурно вообще-то.

— Вы сказали, что она ужасна, но также сказали, что это шедевр, — прервала тишину Лиза.

— Именно, — подтвердил Хёст. — Так в чем ваш вопрос?

— Как она называется? — неожиданно для себя самой спросила она.

— «Равнодушие».

Снова повисла тишина. Четыре вопроса задано. Лиза окинула взглядом присутствовавших. Считают деньги

и прикидывают, как бы заработать побольше, судя по лицам. Тишина затянулась. Хёст снова посмотрел на часы. В этот раз он не отрывал от них взгляда. Судя по всему, до конца минуты оставались считанные секунды.

— Почему вы решили показать картину и позвали именно нас? — сдалась брюнетка в замысловатой шляпе.

— На который из двух вопросов отвечать? — уточнил Хёст.

Девушка задумалась. Первый вопрос явно из списка, причем он есть в списке у многих, а второй действительно волнует собравшихся.

— Выберите первый, — посоветовал мужчина с волосами, зачесанными на лысину.

— Сама разберусь! — грубо отмахнулась девушка.

Лиза вдруг подумала, что если бы они действовали сообща, то могли бы составить семь вопросов таким образом, чтобы они были в каждом списке. Тридцать пять тысяч. Но раньше это в голову как-то не приходило. Чего уж теперь.

— Почему вы позвали именно нас? — спросила брюнетка.

Лиза внимательно посмотрела на девушку. Возникло ощущение, что она спросила это просто назло. Чтобы не дать лысому заработать лишнюю пятерку. И ее вдруг осенило. Игра еще сложнее. Скорее всего, не всем платят одинаковую сумму за ответы. В идеале нужно было составить список с учетом пересечения вопросов и их цены, а потом набранную сумму поделить на всех. Запахло теорией заговора. Казалось, что сам Хёст и организовал это «предложение» от СМИ. Просто чтобы зачем-то пробудить алчность в своих гостях.

— Потому что этого хотел Сархан, — тем временем ответил хозяин особняка. — Дело в том, что все вы сыграли определенную роль в его жизни и непосредственно связаны с этой работой.

Лиза нахмурилась. Она точно не знала человека с таким именем. Но ведь это мог быть и псевдоним!

— Кто-то из вас издевался над ним в школе.

Лиза заметила, как вздрогнул широкоплечий мужчина, как он принялся задумчиво массировать подбородок, закрывая рот рукой. Мистер Хёст продолжал:

— Кто-то был его преподавателем в художественной академии.

Неловко заерзала пожилая женщина.

Лиза не сразу сложила все факты. Картина отвратительна, сам художник хотел, чтобы эти люди ее увидели, называется она «Равнодушие»... Ситуация вдруг стала какой-то очень личной. Все перевернулось с ног на голову.

— Кто-то взял в долг и не вернул эти деньги. Кто-то был его придирчивым шефом...

Хозяин продолжал, но Лиза отвлеклась. Она буквально чувствовала, как зал наполняется тревогой, злостью и неуверенностью.

— В кого-то он был влюблен, — закончил Хёст. — Следующий вопрос.

Лиза посмотрела на двух мужчин. Только они еще не спрашивали — лысый и короткостриженный. Мужчины переглянулись. Лиза видела отсюда лицо одного из них, и ей показалось, что в его глазах блеснул азарт.

Тишина. Мистер Хёст в очередной раз бросил взгляд на часы. Соперники молчали. Лысый демонстративно принял расслабленную позу. Закинул ногу на ногу, развалился в кресле. Короткостриженный зевнул и расставил ноги пошире. При этом один нервно постукивал пальцем по подлокотнику, а другой подергивал ногой. Время шло. Напряжение нарастало, но уступить никто не хотел.

— Ну, раз вопросов больше нет... — подытожил хозяин особняка, оторвав взгляд от часов.

По залу пронесся разочарованный стон. Мужчины презрительно переглянулись. Лиза покачала головой. Ребячество.

Мистер Хёст, тяжело опираясь на трость, встал со своего места. Один из лакеев тихо и быстро унес кресло хозяина в соседнюю комнату через приоткрывшуюся буквально на секунду дверь. Мистер Хёст доковылял до того места, где раньше стоял слуга, и, оказавшись сбоку от штор, достал из кармана небольшой черный пульт.

— Что ж, пришло время увидеть самую загадочную работу Сархана и узнать, как вы все с ней связаны.

Хозяин особняка нарочито медленно поднял пульт. Воздух буквально звенел от наполнявших его эмоций. Мистер Хёст нажал на кнопку. Шторы мгновенно разлетелись в стороны, обнажив... зеркало.

Некоторое время все присутствовавшие тупо смотрели на свое отражение.

— Какая-то идиотская шутка, — с явным облегчением протянул широкоплечий мужчина.

— Если это должно было что-то значить, — высокомерно хихикнула блондинка, — то я не знаю что.

По залу растеклось липкое, истерическое облегчение. Такое, наверное, испытывает преступник, лишь чудом избежавший разоблачения. Кто-то посмеивался, кто-то перешучивался с соседями. Первым догадался короткостриженный.

— Нас что, сфотографировали?

Повеселевшие было гости мгновенно напряглись и посмотрели на мистера Хёста. Казалось, все мигом угодили в яму. Хозяин особняка улыбнулся и снова нажал какую-то кнопку на пульте. Зеркало стало прозрачным. Лиза никогда не видела столько фотоаппаратов в одном месте. Одни, судя по всему, были сфокусированы на конкретных гостях, а другие снимали общий план.

— Я не давал согласия на фотосъемку! — взвился мужчина с волосами, зачесанными на лысину.

Остальные гости подхватили его негодование. Загомонили. Закипала злоба. Кем бы ни был художник, он явно

знал толк в перформансах. Он буквально катал всех гостей на безумных американских горках эмоций.

Мистер Хёст поднял руку, призывая к тишине. Это сработало.

— Вы сможете в законном порядке обсудить все претензии с моими юристами.

— Но вы говорили, что это картина! — зачем-то выпалил широкоплечий. Прозвучало жалко.

— Нет, не говорил, — возразил хозяин особняка.

Лиза мысленно кивнула. Везде фигурировало слово «работала».

— Давайте уже посмотрим, что получилось!

На этот раз зеркало потемнело, превратившись в экран. На нем появилась огромная фотография.

Лиза хмыкнула. Вот почему Хёст купил работу еще до того, как она была сделана. Идея и вправду неплоха и, вероятно, особенно привлекательна для эксцентричного пожилого богача. На фото, конечно, гости. Буквально минуту назад. Ровно в тот момент, когда мистер Хёст нажал на кнопку. Почти в тот же момент, как ткань разлетелась в стороны, открывая предполагаемую картину. Каждый ожидал увидеть полотно, на котором он выставлен в весьма неприглядном свете. Ни у кого не было причин предполагать, что он будет изображен в позитивном ключе. Да может, никто и не вспомнил художника, но каждый предположил, как могли бы складываться его отношения с этим человеком, пусть и абстрактным. Кто-то издевался над ним в школе, кто-то едва не загубил его талант и так далее. И все знали, что картина ужасна, со слов самого мистера Хёста. Хуже того, не все еще отошли от странной игры, затеянной хозяином особняка. Минуту назад люди, снедаемые алчностью, боролись за свои интересы. Это тоже наложило отпечаток. Мистер Хёст не соврал: работа действительно шедевр — И в то же время... она ужасна.

Лиза всматривалась в напряженные, изуродованные трудноразличимыми эмоциями лица. Презрение, страх,

отвращение, разочарование? Это просто цирк уродов, которые смотрят на зрителя. И от этих взглядов не по себе.

Почему-то ей вспомнилось, как мама привела ее записываться на фигурное катание, но ей сказали, что она слишком взрослая, слишком неуклюжая, что толку из нее не выйдет. Эти жуткие взгляды утаскивали в какую-то пучину детской боли. Эффект гипнотический. А потом она посмотрела на себя, стоящую босиком меж двух кресел, и... улыбнулась. Она была красива. Чертовски, невероятно красива. Спокойное лицо, располагающая поза. Лиза не могла оторвать взгляд от самой себя. Хотелось смотреть поверх искривленных лиц остальных гостей. Ее фигура на этой фотографии была лучом света в аду.

— Вы свободны, дамы и господа, — ледяным тоном сказал мистер Хёст. — Мои юристы будут ждать ваших претензий, если вы захотите их предъявить. Всего хорошего.

«Не захотят, — не отрывая взгляда от картины, подумала Лиза. — Не знаю почему, но не захотят».

Гости молча покидали зал. Лиза наконец отвлеклась от картины и поймала на себе взгляд мистера Хёста. Он смотрел на нее с интересом.

— Как вы думаете, — спросил он вдруг, — почему это фото называется «Равнодушие»?

— Ну... Эти люди... Они как бы... — Лиза растерялась.

— Вам они кажутся равнодушными? — удивился мистер Хёст.

— Вообще-то нет. — Девушка вздохнула.

— Вы поняли, кто автор этой работы? Вспомнили его? — поинтересовался хозяин особняка.

— Нет, — призналась Лиза.

— Все-таки он гений, — невпопад хмыкнул Хёст. — Ужас фотографии вовсе не в этих злобных уродах — хоть они и похожи на демонов, это просто люди, — а в том, что на их фоне вы смотрите почти как ангел. Ваше равнодушие кажется чем-то спасительным, притягательным, даже соблазнительным. Но это ловушка...

Мистер Хёст хотел сказать что-то еще, но передумал, махнул рукой и, тяжело опираясь на трость, поковылял к выходу из зала.

— Так кто он, этот Сархан? — растерянно спросила Лиза.

— Это не так уж важно. — Мистер Хёст недвусмысленно указал на лакея, терпеливо ожидавшего, когда гостя заберет свой мобильный телефон. — Вас проводят. Всего доброго.

2

Ночной город проплывал мимо тягуче, неторопливо. Лиза уже видела такой стиль вождения: вроде бы плавный и неторопливый, но эффективный. Секрет в светофорах: каким-то чудом водитель умудрялся не попадать на красный. Всегда только зеленый свет. Наверняка этому где-то учат, в какой-нибудь академии телохранителей или в другом подобном заведении. В прошлый раз, когда ей довелось ехать с таким водителем, тот признался, что его клиент опасается покушения. Любая незапланированная остановка могла вызвать приступ паники, и поэтому...

Завибрировал телефон, вырвав Лизу из воспоминаний. Она глянула на экран, потом пошарила глазами в поисках кнопки, поднимавшей внутрисалонную перегородку. Лиза даже не сомневалась, что такая функция в этой машине есть. Долго искать не пришлось. Трубку она взяла только после того, как перегородка скрыла водителя. Лиза не без усмешки отметила материал обшивки. Алькантара. Неужто больше не на чем было сэкономить? Какая глупость.

— Да?

— Добрый вечер! Я понимаю, что поздно, — затараторил журналист, — но нам срочно нужны ответы! Прием уже окончен или...

— Да, — остановила поток слов Лиза. — Но особо нечего рассказывать. Несколько ответов на вопросы есть, но от этого только больше вопросов.

— Прекрасно! Это уже хорошо! — обрадовался голос в трубке.

Лиза машинально покачала головой. Неужели это настолько горячая тема, что любая информация вызывает такие бурные эмоции?

— Вы видели картину? Опишите ее!

— Это не картина, — поправила Лиза. — Это фотография.

— Хм... Неожиданно. Хотя в некотором смысле это ожидаемо неожиданно! — журналист, кажется, так пошутил. — Что на этом фото?

— Гости, все семь человек.

— Коллаж или...

— Фотографию сделали прямо во время презентации этой самой фотографии.

— Это роскошно!

Журналист, казалось, вот-вот засмеется от восторга. Лизу несколько раздражал этот экзальтированный тон.

— Опишите ее!

— Шесть человек сидят в креслах и смотрят в объектив с перекошенными лицами. Я стою между третьим и четвертым креслом. С нормальным лицом.

Какое-то время трубка молчала, наконец журналист понял, что продолжения не будет.

— Можете как-то подробнее описать?

— Я не специалист по фотографиям, — вздохнула Лиза. — Давайте я просто отвечу на те вопросы, которые вы просили задать.

— Хм... Поймите, было бы очень здорово, если бы вы все образно рассказали. Это очень поможет мне в работе над статьей!

«Неужели он так любит свою работу?» — почему-то подумала Лиза.

— Я не знаю, что еще сказать.

— Давайте я буду задавать наводящие вопросы. Так будет лучше?

— Ладно, попробуем, — со вздохом согласилась Лиза.

— Можете описать лица гостей?

— Не уверена... — начала было она, но вдруг поняла, что они буквально отпечатались в памяти. — Крайний справа...

— А кто сидел справа? — тут же перебил журналист.

— Широкоплечий мужчина с щетиной. Я не знаю, как его зовут.

— Кокс, — подсказал журналист, — Саймон Кокс. Больше там не было широкоплечих мужчин. Ну, по крайней мере, там не было более широкоплечих, чем он.

— Вы что, всех гостей знаете? — удивилась Лиза.

— Конечно! Я изучил тему. Но вернемся к описанию.

— Он хмурился, я бы даже сказала щурился. Голову немного отвернул в сторону. То есть в объектив смотрел одним глазом.

— Левым или правым?

— Это имеет значение?

— Когда речь идет о работе Сархана, да. Все там неслучайно!

— Это же не постановка, на фото просто семь человек.

— Возможно. — Журналист явно имел другое мнение, но, видимо, не хотел давить. — Вернемся к описанию. Левый глаз или правый?

— Кажется, левый.

— Прекрасно!

Лиза не поняла, чему так обрадовался собеседник.

— Что хорошего?

— Возможно, речь идет о банальном разделении на мужскую и женскую половины. Во многих культурах правая сторона тела отражает мужскую часть и энергию, а левая — женскую. Возможно, Кокс пытается защитить свою уязвимую женскую часть. Не в прямом смысле. У Сархана иногда символы переплетаются довольно причудливо.

— Вам не кажется, что вы бредите? — прямо спросила Лиза.

Журналист задорно рассмеялся. Кажется, он наконец позволил себе не сдерживать эмоции.

— Возможно! Но в этом все творчество Сархана. Всегда на грани. Между бредом и логикой.

Лиза глубоко вдохнула. Она хотела спросить, что с ним, собственно, не так, но сдержалась.

— Так мне продолжать?

— Да, конечно! Как вам кажется, какое чувство в тот момент испытывал Саймон?

— Не знаю. — Лиза зачем-то пожала плечами и мысленно укорила себя за это. — Он явно думал, что увидит нечто... неприятное. Все этого ожидали. Хёст сказал, что гости знакомы с Сарханом и что художник не в восторге от этого знакомства.

— Секунду! — Лиза слышала в трубке лихорадочное шуршание карандаша. — Мы позже вернемся к этому! А пока про чувство. Что он чувствовал, ожидая увидеть что-то плохое?

Девушка закинула ногу на ногу и чуть подвинулась вбок. Неужели в машине за такие деньги нельзя сделать нормальное, удобное сиденье?

— Ну, ожидал что-то мерзкое, наверное.

— Ожидание это не... — журналист мгновенно сменил стратегию. — Давайте попробуем так. Это был страх?

Лиза задумалась.

— Не уверена. Думаю, нет. По крайней мере, не только страх.

— Стыд?

— Не думаю. Мне кажется, стыдясь, человек скорее отводит взгляд.

— Ну, он смотрел вполоборота, то есть взгляд частично отвел, — резонно отметил журналист. — Может, это отвращение?

— Да не знаю я! Зачем вы меня вообще обо всем этом спрашиваете?! — не выдержала Лиза.

Она помассировала висок двумя пальцами, отметив нарастающую пульсирующую боль.

— Поймите, мне нужно будет описать это фото, — совсем ласково, как будто говорит с капризной девчонкой, протянул журналист. — Причем так, чтобы стал понятен замысел художника. Мне нужны детали. И только вы можете мне в этом помочь.

— Я не подписывалась на это. Я могу ответить на вопросы из того списка, который вы мне прислали, остальное мне неинтересно.

— А если мы доплатим? — после короткой паузы уточнил журналист.

— Пока я не видела и тех денег, которые вы мне обещали, — отрезала Лиза.

— Вы же понимаете, что это требует времени? Они ведь не у меня на столе лежат, нужно, чтобы бухгалтерия...

— То есть ответы вы хотите сейчас, а деньги будете платить потом?

— Но иначе мы просто не успеем, поймите! Утром у всех крупных изданий выйдет материал.

— Допустим, я дам вам ответы. — Лиза покосилась на магазин за окном, отметив, что машина въехала в знакомую ей, почти родную часть города. — Что помешает вам просто не заплатить мне?

— Что вы имеете в виду? — растерялся журналист.

— Мы не заключали никаких договоров, у меня есть только ваши обещания. Причем даже не в письменной форме.

Какое-то время трубка молчала. Лиза спокойно ждала.

— Что я могу сделать, чтобы убедить вас в серьезности наших намерений? — стиль речи так резко изменился, что девушка сразу поняла, как выглядит ситуация по ту сторону трубки.

Вокруг журналиста собрались коллеги, все внимательно слушают разговор. Возможно, по громкой связи. И сейчас, когда все пошло наперекосяк, кто-то из старших коллег тихонько подсказывал, что делать.

— Привезти мне деньги.

— К сожалению, я не могу сделать это ночью. Бухгалтерия в такое время закрыта. Я бы снял свои, но у меня просто нет такой суммы.

— Составьте договор, подпишите и пришлите мне с курьером. Как только договор будет у меня, мы сможем продолжить.

Лиза положила трубку, не дожидаясь реакции. Вздохла и закрыла глаза. Ее, кажется, укачало. Подступала тошнота. Она чувствовала запах кожаных сидений и освежителя воздуха. На удивление отвратительного. Сладковатого и приторного. Этот запах почему-то ассоциировался с перьями, корсетами и пошлостью.

Боль в висках нарастала. Лиза на ощупь достала из подлокотника бутылку воды, но не смогла ее открыть. Рука скользила по крышке. Пришлось завести большой палец на указательный и придавить, чтобы плотнее схватиться. Раздалось долгожданное шипение.

Вода оказалась слишком минеральной. На вкус что-то среднее между йодом и солью. Лиза едва не поперхнулась. Все так же, не открывая глаз, одной рукой расстегнула клатч и достала таблетки. Головная боль становилась невыносимой. Пульсируя в висках, она проскальзывала куда-то в основание черепа, вызывая вспышки в глазах.

Почему-то перед внутренним взором появился журналист, мечущийся по ночной редакции. «Что это было, Лиз?» — спросила она у самой себя. Что за детская истерика?

Телефон снова завибрировал. Она знала, кто звонит.

— Да?

— Скажите, куда отправлять курьера? — виновато поинтересовался журналист.

Лиза задумалась. Потом поняла, что пауза затянулась.

— Проще мне заехать к вам. Где ваша редакция?

— В Филадельфии... — как будто извиняясь, протянул журналист.

— Нет, не проще, — вздохнула Лиза. — То есть вы сейчас отправите курьера из Филадельфии? И ехать он будет часа три?

— Нет-нет, из корпункта. Не больше часа. И помимо адреса мне нужны данные для...

— Ладно, я вам верю. Спишем на то, что я устала и перенервничала. Трудный день.

— То есть вы готовы продолжить?

— Да.

— Прекрасно! Тогда... — Лиза буквально видела, как по ту сторону трубки ликовал журналист, а может, и вся редакция.

— Подождите. Я подъезжаю к дому. Дайте мне полчаса, чтобы прийти в себя. Потом я отвечу на все ваши вопросы. Но есть условие.

— Конечно. Какое?

— Деньги я должна получить в течение трех дней. — Лиза подумала немного и добавила: — В идеале наличными.

— Хорошо. — Ни секунды промедления.

— До свидания.

Девушка положила трубку и наконец открыла глаза. Ей стало лучше. Мимо машины проплывали светящиеся фасады небоскребов и витрины дорогих магазинов.

Лиза обратила внимание на мужчину, уставившегося в витрину бутика. Лица его девушка не видела, он стоял к ней спиной, но вот кирпич в руке заметила. Мужчина стоял прямо напротив манекенов, разряженных в кружевное и до смешного замысловатое нижнее белье со множеством лишних, явно неудобных элементов.

Лиза проводила эту сцену заинтересованным взглядом.

Машина свернула и стала плавно сбрасывать скорость. Наверное, это тоже особый навык — останавливать автомобиль так, будто он никуда и не ехал.

Дверь открыл швейцар. Лиза проигнорировала поданную руку и вышла из машины сама. За ее спиной с тихим хлопком закрылась дверь.

— Добрый вечер! — поздоровался швейцар и, не дожидаясь ответа, поторопился к входной двери.

— В целом да, — скорее самой себе, чем ему, сказала Лиза и повернула голову вправо.

Где-то там, за углом, стоял мужчина с кирпичом. Видеть его она не могла, но как будто ощущала его присутствие. Лиза неторопливо пошла к ожидавшей ее открытой двери. Медленно поднялась на три ступеньки и вошла в холл.

— Добрый вечер, мисс Ру! — улыбнулась девушка за стойкой. — Вам письмо.

— Добрый, — согласилась Лиза. — Что пишут?

— Э-э... — на секунду растерялась собеседница.

— Шучу, давайте.

Конечно, это счета. Кто вообще пишет письма в двадцать первом веке? Лиза, не взглянув на конверт, кивнула девушке на прощание.

Лифт, к счастью, оказался на первом этаже. К счастью, потому что это был очень длинный день. Лиза нажала кнопку, дождалась, когда закроется дверь, и устало прислонилась к стене. Повернула голову и посмотрела на себя в зеркало. Рефлекторно проверила, не смазалась ли помада, на автомате поправила прическу, хотя в этом уже не было смысла.

Лифт остановился, весело звякнул и распахнул створки. Она уже собиралась сделать шаг наружу, как вдруг поняла, что это не ее этаж. Лиза тяжело вздохнула. Ее отношения с лифтами порой складывались удивительным образом. Приехать не на тот этаж — это для нее нормально. Она снова нажала кнопку и снова посмотрела в зеркало. Кажется, ничего не изменилось с прошлого раза. Но, с другой стороны, как-то отстраненно и философски подумала Лиза, я стала секунд на десять старше.

На этот раз лифт привез ее на нужный этаж. Она наконец-то дома. Лиза неторопливо сняла туфли, аккуратно отставила их в сторону. Кинула конверт на столик и включила свет. От этого большое просторное помещение с высокими потолками почему-то стало очень тесным. Слишком много деталей. Некоторое время Лиза смотрела на люстру, потом щелкнула выключателем: погасила общий свет и оставила только подсветку. Теперь полутона и едва видимые блики на немногочисленной мебели создавали ощущение безграничности пространства.

Лиза прошла через гостиную, направляясь в гардеробную. Вдруг остановилась у единственной в доме картины. Задумчиво на нее посмотрела.

Фиолетовые линии и синяя галка — описать полотно иначе она не смогла бы. А ведь его наверняка тоже написал какой-нибудь гений.

Лиза отвлеклась от картины, вспомнила, что собиралась сделать, и вошла в гардеробную. Коротко прожужжал телефон. Она замерла и посмотрела на сообщение.

Ты в отпуске?

Лиза задумчиво прикусила губу, зачем-то оглянулась. Какое-то время смотрела на текст эсэмэски, потом ответила:

Да.

Отложила телефон. Все потом. Сейчас душ и домашняя одежда.

Лиза как раз вышла из ванной, когда телефон завибрировал. Она вздохнула, надела наушники и ответила на вызов.

— Мисс Ру, — с плохо скрываемым нетерпением сказал журналист, — мы можем продолжить?

Лиза хмыкнула. Она была уверена, что он сидел перед часами, считая минуты. Если не секунды.

— Да. — Лиза босиком двинулась на кухню.

— Итак, мы остановились на том, как вы описывали выражение лица Кокса. Давайте пойдем дальше. Кто сидел слева от него?

Лиза на секунду задумалась.

— Вроде бы блондинка.

— Анна Миллер, — доложил журналист.

— Да хоть Джессика Паркер, — равнодушно заметила Лиза.

— Имена имеют значение! — возразил журналист. — А может, и фамилии.

— И что бы изменилось, если бы меня звали не Лиза, а как-нибудь иначе?

— В вашем случае, возможно, ничего, — неуверенно протянул собеседник, — я пока не знаю наверняка.

— А остальные имеют какое-то сакральное значение? — усмехнулась Лиза, доставая из винного шкафа первую попавшуюся бутылку белого вина.

— Саймон, Анна, Рубен, Кaleb, Абигейл, Николь. — Журналист выложил имена так, будто они должны были ее впечатлить.

— И что?

— Первые буквы!

Лиза на несколько секунд задумалась, оставив штопор торчать из пробки.

— Не сходится ваша теория заговора. Кaleb как-то выпадает.

— Это в современном варианте! Но на греческом и на латыни имя звучит как Хaleb или Халев.

— Как вам угодно, — согласилась Лиза. — Хотя на иврите.

— Именно!

Лиза опять замерла. Непонимающе поморщилась.

— То есть это не просто теория заговора, но еще и протоколы сионских мудрецов? Ладно. — Она вытащила пробку и отложила штопор. — Хотя рептилоиды.

— Неужели вам не интересно разгадать эту загадку? — с некоторой даже обидой спросил журналист.

— Пока это на загадку не похоже. Просто не очень удачно подобранные имена участников... перформанса, что ли. Давайте вернемся к теме.

— Да, конечно. Итак, слева от Саймона сидела Анна. Можете ее описать?

Лиза села за стол и задумчиво посмотрела на бокал вина.

— Я не уверена... Она, кажется, закрыла рот рукой.

— Понял. А верхняя часть лица?

— Точно помню только широко раскрытые глаза. И сморщенный лоб.

— Как думаете, что это за чувство?

— Понятия не имею. — Лиза сделала большой глоток вина. — Я не она, я не знаю, что она чувствовала.

— Может, попробуете вообразить?

— Как вы себе это представляете?

— Сядьте в ту же позу, попробуйте воссоздать выражение лица, атмосферу, ну...

— Пожалуй, вы самый дотошный журналист, которого я знаю. Зачем это все?

— Грубо говоря, чтобы я мог разгадать весь замысел картины и описать его.

— Не проще уже позвать какого-нибудь спеца из полиции, который рисует портреты подозреваемых?

Повисла тишина.

— Вы и вправду собираетесь это сделать? — хмыкнула Лиза. — Вы хотите восстановить фотографию по описанию?

— Ну, учитывая, что все гости в той или иной мере известные люди, это не невозможно. Мы, конечно, не сможем стопроцентно повторить эмоции, но на основе других фотографий можно хотя бы... — Журналист прервал свои рассуждения. — В общем, могли бы вы сделать то, о чем я прошу?

— Ладно. Я попробую, но, если ничего не выйдет, вы не будете заставлять меня делать то же самое с остальными гостями.

— Просто попробуйте!

Лиза отвернула стул от стола, припомнила, как сидела Анна. Приняла ту же позу, прикрыла рот рукой. Чувствуя себя несколько глупо, постаралась наморщить лоб и широко раскрыть глаза. Прислушалась к ощущениям. Ничего.

«А чего я ожидала?» — с иронией подумала Лиза. Какая глупость! Хорошо, что этого никто не видит.

— Мисс Ру? — ожил в наушниках журналист.

— Вы надо мной издеваетесь, что ли? — вздохнула Лиза. — Может, это какой-то розыгрыш?

— Нет! — испуганно возразил журналист. — Ни в коем случае!

Лиза села поудобнее, глотнула вина и вздохнула. Сама ведь согласилась, так что теперь?

— Не знаю я, что это за чувство. Не работает ваш метод.

— Хм... Ладно, а о чем вы подумали, когда приняли ту же позу?

— Что я дура, — пожала плечами Лиза, — и что вы надо мной издеваетесь. Я и так сделала больше, чем обещала. А теперь еще наизнанку выворачиваюсь, но вам этого мало, да? Вы еще наверняка в статье своей напишете про это.

— Извините, мисс Ру! И в мыслях не было! Наш разговор абсолютно конфиденциален, я даю слово, что никто о нем не узнает!

Лиза вздохнула, пожала плечами:

— Проехали. Я не знаю, что она чувствовала. И что чувствовали остальные. Максимум — могу описать выражение лиц.

Какое-то время журналист молчал.

— Хорошо, давайте пока немного отойдем в сторону. С именами мы разобрались, выражения лиц и позы добьем попозже... Что вы можете сказать о себе?

— А что вас интересует?

— Поза, выражение лица и...

— Чувства? — усмехнулась Лиза.

— Ну, ведь свои ощущения вы описать сможете, — аккуратно предположил журналист.

— Может, и смогу. Но особо нечего описывать. Я стою между третьим и четвертым креслом. Чуть позади. Руки положила на спинки кресел. Никакого особого выражения лица у меня нет.

— И никаких особых деталей?

— Нет. Разве что туфли.

— А что с ними? — оживился журналист.

— Я сняла туфли, чтобы не стоять на каблуках.

— Э-э... Вы приехали на такой прием и просто, ну вот так, по-свойски решили снять туфли?

— Что-то не так?

— Нет-нет, просто не каждый на такое решится, думаю. Почему вы это сделали?

— А почему бы и нет? Почему я должна стоять на каблуках, если Хёст не удосужился предложить мне кресло? — Лиза повела рукой и чуть не разлила вино.

— Так, отлично, и что вы почувствовали?

— Когда? — не поняла Лиза.

— В тот момент, когда вам сказали, что мест нет, а вы на каблуках, — пояснил журналист.

— Ну... Немножко злость, наверное. Да нет, мне вообще все равно было. Не знаю.

— А кто тогда знает? — удивился собеседник.

— Следующий вопрос, — отмахнулась Лиза.

— Нет... — журналист прервал себя и послушно сменил тему. — Итак, вы стоите босиком, без какого-либо особенного выражения на лице.

— Да.

— Кстати, какой пол в зале? Паркет?

— Хм... Мрамор, хотя я не разбираюсь в камнях.

— Вы уверены?

— Нет, но точно каменный, а что?

— Вы босиком стояли на мраморном полу? И при этом не испытывали дискомфорта?

Лиза почему-то посмотрела на свои ступни.

— Да.

— Хм... Вряд ли такой пол подогревается... Но в контексте картины это определенно обретает смысл... И опять-таки...

Лиза услышала, как коротко прожужжал телефон. Встала из-за стола и подошла к стойке, где оставила мобильный. В наушниках что-то говорил журналист, что-то объяснял. Расшифровывал какие-то таинственные знаки.

Лиза взяла телефон и открыла сообщения.

Когда выйдешь на работу?

Девушка задумалась, машинально посмотрела на столик у двери, потом что-то посчитала в уме.

— Вы меня слушаете? — поинтересовался журналист.

— Да, — ни на секунду не задумавшись, ответила Лиза.

Собеседник продолжал что-то рассказывать, но она, погруженная в свои мысли, слышала только интонации. Голос стал неспешным чарующим саундтреком. Лиза написала эсэмэску:

Через неделю.

Положила телефон и осмотрелась. Подошла к окну, нажала на кнопку. Огромные шторы бесшумно разъехались, открыв огромное панорамное окно.

— А почему у вас не было никакого особенного выражения на лице? — каким-то другим, изменившимся тоном спросил журналист. — То есть я понимаю, почему с точки зрения системы символов картины, но... Вот просто по-человечески. Неужели не ожидали какого-нибудь подвоха?

— Нет. — Лиза села на диван, не отрывая взгляда от ночного города. — Все остальные, кажется, хотя бы предполагали, кем может быть этот ваш Сархан, я нет.

— Почему ваш?

— Что? — не поняла вопроса Лиза.

— Почему вы сказали «ваш Сархан»? Это не меня пригласили на прием.

— Ну, вы к нему явно ближе, чем я. Я о нем вообще только сегодня узнала. Ну то есть я раньше что-то слышала, но я далека от живописи.

— Ясно, — вздохнул журналист. — Итак, вернемся к лицам и позам?

— Хорошо.